

Complex problems as a subject of psychological research

A. B. Kutuzova¹, N. N. Mekhtikhanova¹

¹P. G. Demidov Yaroslavl State University, 14 Sovetskaya str., Yaroslavl 150003, Russian Federation

Research article
Full text in Russian

The article deals with the existing research directions of complex problems in modern psychology. The definition of “problem” is given, and various classifications of types of problems are described. The characteristic of a class of complex problems, their properties and stages of solution is given. The question is raised about the criteria for evaluating the solution of complex problems. The characteristics of complex problems are compared with the characteristics of complex personal problems studied by various authors.

Keywords: complex problems; definition; types; features; stages of solution; determination of complex problems; complex personal problems; evaluation of the solution

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Kutuzova Anastasia B. | E-mail: kutuzova-anastasiia@mail.ru
Postgraduate student

Mekhtikhanov Natalya N. | E-mail: natnik1@list.ru
Candidate Sc. (Psychology), Associate Professor

Funding: RFBR, Project No 19-013-00849.

Сложные проблемы как предмет психологических исследований

А. Б. Кутузова¹, Н. Н. Мехтиханова¹

¹Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова, ул. Советская, 14, Ярославль, 150003, Российская Федерация

УДК 159.9

Научная статья

В статье рассматриваются существующие в современной психологии направления исследований комплексных проблем. Приводится определение понятия «проблема», описываются различные классификации видов проблем. Дается характеристика класса комплексных проблем, их свойств и стадий решения. Ставится вопрос о критериях оценки решения комплексных проблем. Проводится сравнение характеристик комплексных проблем с характеристиками сложных личностных проблем, исследуемых различными авторами.

Ключевые слова: комплексные проблемы; определение; виды; признаки; стадии решения; детерминация сложных проблем; сложные личностные проблемы; оценка решения

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Кутузова Анастасия Борисовна | E-mail: kutuzova-anastasiia@mail.ru
Аспирант

Мехтиханова Наталья Николаевна. | E-mail: natnik1@list.ru
Кандидат психологических наук, доцент

Финансирование: РФФИ, проект № 19-013-00849.

Начиная с 70-х годов XX века исследователи стали всё больше убеждаться в том, что данные, полученные в исследованиях на материале простых лабораторных задач, нельзя переносить на более сложные проблемы реальной жизни. По мнению Д. Дёрнера, классические исследования решения проблем (например, с использованием задачи «Ханойская башня») дают недостаточно информации о том, как происходит решение практических проблем. В частности, решение чётко определённых лабораторных задач и решение плохо определённых проблем задействуют различные когнитивные процессы [1]. В то же время с возрастанием темпов научно-технического прогресса возникла необходимость исследовать особенности решения проблем в есте-

ственных, сложных и динамичных ситуациях. Эта проблематика широко рассматривается в отечественных исследованиях практического мышления. В экспериментах, проводившихся при изучении теоретического мышления, как правило, используются задачи, содержащие чёткие условия и требования; в них наблюдается существенное упрощение условий, позволяющее при поиске решения абстрагироваться от множества различных обстоятельств. В практическом мышлении решатель имеет дело с реальным миром во всей его сложности. Объект, с которым при этом имеет дело решатель, отличается особой сложностью; такого рода объект называют «большой системой», «комплексным» объектом [2]. Таким образом, в современной психологии происхо-

© Кутузова А. Б., Мехтиханова Н. Н., 2020

Статья открытого доступа под лицензией CC BY-NC-ND (<http://creativecommons.org/licenses/by-nc-nd/3.0/>)

дит смещение внимания с исследования чётко определённых проблем на плохо определённые, нечеткие, комплексные проблемы.

Проблема – объективно возникающий в ходе развития познания вопрос или комплекс вопросов, решение которых представляет существенный практический или теоретический интерес. Большинство определений проблемы имеют общий компонент – акцент на расстоянии между проблемой и решателем. Так, по мнению П. А. Френч и И. Функе, проблема существует, только если существует разрыв между ней и решателем или барьер между состоянием, имеющимся в реальной ситуации, и целевым состоянием в голове решателя [3]. Д. Дернер и И. Функе предлагают следующее определение процесса решения сложной, комплексной проблемы – это совокупность саморегулируемых психологических процессов и действий, необходимых в динамических средах для достижения нечётких целей, которые не могут быть достигнуты рутинными действиями. Для решения необходима творческая комбинация знаний и широкий набор стратегий; при этом процесс решения сочетает в себе когнитивные, эмоциональные и мотивационные аспекты, особенно в ситуациях с большими рисками. Сложные проблемы обычно связаны с большим количеством информации, требованиями и взаимодействиями между разными людьми.

За последние 30 лет было описано множество *видов проблем*, подразумевающих под собой смежные феномены: комплексные проблемы [4], интерактивные проблемы [5], повседневные проблемы [6], социальные проблемы [7], прикладные проблемы [8], жизненные проблемы [9], практические проблемы [10] и ряд других.

Всё существующее многообразие проблем можно классифицировать по ряду оснований. В зависимости от степени ясности цели разделяют на чётко определённые проблемы и нечёткие [11]. Риттель и Уэббер [12] описывают класс «изначально злых» проблем, которые они противопоставляли «прирученным» проблемам. Также выделяются монопредметные и полипредметные проблемы. Кроме этого, существуют «плюс» и «минус» проблемы [13, 14]. Интересна типология проблем, основанная на их формальных аспектах,

предложенная Вудом [15]. Согласно его подходу, три измерения – полнота данных (полные или неполные), знание методов решения (известные и неизвестные) и определённость цели (определена чётко или размыта) – образуют восемь типов проблем. Эти типы различаются и с точки зрения навыков, необходимых для их решения [16].

Проблемы также могут быть разделены по содержанию цели на теоретические и практические. Для решения первых необходимо нечто объяснить, проанализировать, сопоставить, сформулировать или определить и т. д. Такие проблемные ситуации имеют место в естественных науках, философии, криминалистике, технической экспертизе. Решение практических проблем предполагает внедрение, реализацию, организацию или реорганизацию. Такие проблемные ситуации возникают в любых сферах деятельности; особенно много их в области управления сложными объектами и системами.

В. Ф. Спиридонов рассматривает «интеллектуальные» и «личностные» проблемы. В случае интеллектуальной проблемы дело не сводится к чисто рациональному поиску решения, но предмет размышлений (математический, финансовый, шахматный и т. п.) доминирует и подчиняет себе логику мыслительного процесса, что не исключает ярких переживаний, скачков самооценки и высокой мотивации. В случае личностной проблемы ситуация организована иначе: человек сталкивается с тяжёлыми событиями, тягостными переживаниями (например, с потерей близкого человека); это может стать и предметом интенсивных размышлений, но в центре оказываются процессы переживания. Помимо всего вышеперечисленного, в качестве критерия для деления используются временная шкала, уровень риска (с высокими и низкими рисками), динамика (статические или динамические проблемы) и т. д. [17].

Таким образом, проблема может быть охарактеризована не только как простая алгоритмическая или как сложная комплексная; проблема может сочетать в себе различные аспекты. Например, это может быть сложная личностная проблема с высокими рисками, сложная интеллектуальная проблема прак-

тического характера с нечетко определенной целью и т. д.

Рассмотрим особенности комплексных проблем в целом. Д. Дёрнер определяет следующие *признаки сложных проблем*:

- Комплексность. Существование ряда взаимозависимых признаков. Степень сложности обуславливается и тем, в какой мере нужно учитывать разные аспекты проблемы и их связи, чтобы понимать ситуацию и планировать свои действия;

- Сетевидность. Наличие связей между переменными системы делает необходимым одновременный учет многих признаков;

- Динамика. Зачастую на разрешение ситуации дается ограниченное количество времени и решатель отказывается от сбора всей информации. Кроме этого, с течением времени некоторые свойства и особенности проблемы могут меняться независимо от решателя. Динамика является также неотделимой характеристикой и самого решателя, характеристикой его деятельности и средств познавательной деятельности – целей, гипотез, стратегий их проверки, используемых орудий и т. д.;

- Непрозрачность. Многие признаки комплексной проблемы или совсем недоступны решателю, или доступны только косвенно. Важная роль здесь отводится модели реальности решателя – общее множество предположений о связях и переменных проблемы. Модель реальности может быть правильной или ошибочной, полной или неполной, и решатель должен учитывать это при решении, чтобы избежать «незнания и ложных гипотез»;

- Полителия. Сложная проблема содержит в себе несколько зачастую противоречивых целей;

- Эффекты, отсроченные во времени. Не каждое действие решателя влечёт за собой мгновенное появление последствий. В сложных проблемах последствия часто проявляются с временной задержкой [18].

Одним из основных эмоциональных состояний человека при исследовании сложных систем и решении комплексных проблем является неуверенность, сомнение, готовность принять двоякие (прогнозирувавшиеся и непрогнозирувавшиеся) результаты действий и т. д. Это отражает принципиальную невоз-

можность нахождения единственного, обоснованного, «самого правильного со всех точек зрения» выбора: выбора единственного общего подхода, единственной цели, единственной гипотезы, единственного метода, единственного критерия оценки результата и т. д.

К этим характеристикам можно добавить неопределённость, системность, семантическую насыщенность, множественность результатов взаимодействия и алгоритмическую неразрешимость [14, 19].

В большинстве исследований выделяются следующие *стадии решения комплексной проблемы*:

1. Поиск информации и ее интеграция. Решателю необходима информационная модель, отражающая проблему в системе, а также цель, к которой решатель стремится прийти. Поэтому решателю необходимо систематически собирать и интегрировать информацию;

2. Разработка и согласование целей. Решатель должен определить и обосновать цели, часто расплывчатые и глобальные, которые он хочет достичь. Если цели оказываются противоречивыми, ему необходимо найти компромисс, позволяющий достичь их хотя бы частично;

3. Планирование и принятие решений. Решатель должен решить, какую именно стратегию действия выбрать и какую информацию он при этом будет использовать. При прогнозировании будущих изменений, с учетом предыдущего состояния системы и его собственных действий, он может эффективно планировать свои следующие шаги;

4. Самоконтроль. Решателю, возможно, придется столкнуться с временным пресингом, стрессом и разочарованием, а также конфликтом своих внутренних ценностей. Он должен управлять этим с помощью либо изменения системы, либо собственного поведения и привычек [14].

В настоящее время в зарубежной психологии активно ведется изучение *детерминант решения комплексных проблем*. В качестве таковых рассматриваются три группы факторов – характеристики решателя, ситуационные факторы и особенности самой экспериментальной задачи. Для нас наибольший интерес представляет первая группа. Эти факторы включают в себя компетенции, кото-

рые решатель уже имеет на момент начала решения комплексной проблемы, и компетенции, которые он приобретает во время взаимодействия с ней. Здесь исследуется интеллект [20], опыт – сравнивают экспертов и новичков [21], стратегии [22], рабочая память [23], эмоции [24], мотивация [25], рефлексия [26] и др.

Сдвиг акцента с изучения простых проблем на изучение сложных, более близких к реальности сопровождался дискуссиями о *критериях оценки процесса решения* сложных проблем.

Создание системы критериев эффективного решения возможно через описание ошибочных действий и показателей решения успешных и неуспешных решателей. Так, Д. Дернер перечисляет часто встречающиеся ошибки, которые совершают люди при работе с комплексной проблемой: игнорирование тенденции, недооценку экспоненциального роста и мышления в рамках причинно-следственной цепочки, а не сети. По его данным, успешные испытуемые принимают больше решений за один момент времени (и в целом чаще в процессе решения), чем неуспешные; они видят больше возможностей повлиять на проблему; они раньше концентрируются на ключевых причинах, а не идут постепенно от побочных влияний к более важным. Успешные и неуспешные решатели выдвигают примерно равное число гипотез, но успешные испытуемые чаще проверяют свои гипотезы и задают больше вопросов о причинно-следственных связях. Успешные испытуемые меньше отвлекаются на менее важные, но срочные побочные аспекты проблемы, их решения более последовательны, в то время как неуспешные испытуемые легче отвлекаются и имеют тенденцию чаще менять рабочую задачу. Успешные испытуемые структурируют, рефлексиируют, критикуют и меняют свои гипотезы и поведение в большей степени, чем неуспешные [14]. А. Янсон также приводит ряд ошибочных действий при работе с комплексной проблемой: действие непосредственно в ответ на обратную связь, недостаточную систематизацию действий, недостаточный контроль гипотез и стратегий, отсутствие рефлексии, избирательный отбор информации, выборочное принятие решений, резонёрство [27].

Исследования П. Балтеса касаются изучения процесса решения сложных жизненных (личностных) проблем. В его работах решатель имеет дело с текстовыми задачами, описывающими проблему личностного характера. Решателю необходимо рассуждать вслух над предложенной проблемой. Решение задачи оценивается экспертами по пяти критериям; при этом решение, наиболее близкое к эталонному, является оптимальным, или, в терминах П. Балтеса – мудрым решением. Таким образом, согласно П. Балтесу, мудрость человека отражает его способность успешно решать сложные личностные проблемы. Рассмотрим подробнее критерии оценки правильности решения сложной личностной проблемы.

1. Фактическое знание того, как устроена жизнь, как обычно ведут себя люди. Сюда включаются знания, общие для всех людей в пределах данного общества о природе человека и условиях его жизни. Кроме того, к фактическим знаниям относятся специфические знания о конкретных жизненных событиях; о событиях, привязанных к определенному возрасту; запланированных и неожиданных (образование, начало карьеры, создание семьи, рождение ребенка); а также о функционировании различных институтов.

2. Процедурное, или стратегическое, знание – знание о том, как решать те или иные проблемы и достигать различных целей. Это стратегии и эвристики, касающиеся управления и осмысления жизни в вопросах прошлого, настоящего и будущего.

3. Контекстуализация, то есть способность помещать проблему в разные широкие контексты. Существуют различные временные контексты (прошлое, настоящее, будущее) и тематические контексты (семья, друзья, работа, свободное время и т. д.).

4. Понимание и учет индивидуальных, социальных и культурных различий в ценностях и приоритетах, понимание относительности точек зрения.

5. Осознание и учет неопределённости жизни. Это знание о том, что жизнь является относительно непредсказуемой, а решения и планы человека никогда не будут свободны от неопределённости. Понимание того, что никто не имеет доступа ко всей информации и всем мерам по урегулирова-

нию всех жизненных вопросов – следовательно, будущее не может быть полностью проконтролировано. Понимание того, что какие-то решения могли быть сделаны ранее в свете неопределённости в отношении будущего и что на основе современных знаний старое понимание и объяснения нужно перепроверить и изменить.

Эти пять критериев образуют баланс между интеллектуальной и личностной стороной сложной личностной проблемы. Предлагаются также некоторые конкретные операциональные индикаторы, наличие которых в рассуждениях позволяет определить успешного решателя. Так, для фактического знания это максимальное уточнение и анализ фактических обстоятельств, приведение примеров возможных ситуаций; для процедурного знания это выработка стратегии поиска информации, принятия решения и совета, чёткие временные графики, включённые в ситуацию, выбор точного времени, когда давать тот или иной совет, обследование, анализ различных сценариев с точки зрения соотношения затрат и результатов, целей и средств [9].

Решение сложных личностных проблем рассматривается в теории И. Гроссмманна. Он и его коллеги разработали гибридный метод оценки аспектов мышления, связываемых обычно с мудростью («мудрые рассуждения»), в котором сочетается опросная часть с интервью [28]. Испытуемые размышляют о сценариях межличностных или межгрупповых конфликтов, отвечая на ряд опросов экспериментатора («Что, по вашему мнению, произойдет дальше? Почему это произойдет таким образом? Что, по вашему мнению, должно быть сделано в ситуации?») и др.

Для оценки ответов используются процедуры экспертных оценок, при этом учитываются следующие аспекты:

I. Признание ограниченности знания. Параметр оценивает то, насколько испытуемый уверен в достаточности / недостаточности информации и своих знаниях для ее решения;

II. Признание множественности путей развития ситуации / признание возможности ее изменения. Этот параметр включает в себя оценку того, применяет ли испытуемый при рассуждении единое правило или мировоззренческую позицию или же рассматрива-

ет проблему с нескольких точек зрения. Этот параметр оценивает, анализирует ли испытуемый предложенную проблему с позиции ее участников, ставит ли себя на их место, а также принимает ли он во внимание какие-либо иные взгляды и мнения, не указанные непосредственно в тексте ситуации.

III. Рассмотрение / признание (различных) точек зрения в повествовании. Параметр оценивает, осуществляет ли испытуемый прогноз развития событий и насколько этот прогноз подробный.

IV. Объединение различных точек зрения / компромисс. Этот параметр включает в себя оценку того, насколько испытуемый считает возможным разрешение конфликта при помощи компромисса.

V. Поиск решения ситуации [29].

Несмотря на то что у П. Балтеса и И. Гроссмманна представлены схожие процедуры исследования решения сложной личностной проблемы, оценка решения происходит по разным критериям. Если у П. Балтеса в большей мере сделан акцент на том, какую именно информацию в своём ответе испытуемый указывает как важную для решения, то у И. Гроссмманна оценивается сам характер решения – гибкость, компромиссность и признание ограниченности своих знаний против обширного перечисления возможных факторов (в случае парадигмы П. Балтеса). При этом в обоих случаях исследователи анализируют то, насколько решатель ставит себя на место разных участников ситуации, рассматривает проблему с разных позиций и то, рассматривает ли он данную проблему как разрешаемую, предлагает ли варианты ее разрешения. Описанные критерии П. Балтеса и И. Гроссмманна представляются нам отвечающими принципам оптимальности, адекватности, реальности и могут использоваться для оценки решения сложных личностных проблем.

Заключение

По нашему мнению, сложные личностные проблемы можно рассматривать в русле теории complex problem solving (решение комплексных проблем) по ряду признаков. В них содержится ряд взаимосвязанных элементов, изменение поведения или характеристик которых приводит к ряду изменений в проблеме целиком. Такая проблема требует разрешения

в определённый период времени, а многие важные для решения элементы могут быть не указаны. Кроме этого, в таких проблемах хорошо проявляется наличие противоречивых целей, особенно в ситуациях конфликтного взаимодействия. Признаки комплексных проблем, разработанные Д. Дёрнером, конкретизируются в рассмотренных выше критериях П. Балтеса и И. Гроссмана. Так, на комплексный характер проблем, использующихся у П. Балтеса, указывает в частности аспект фактических знаний о мире: решатель должен учитывать ряд важных для проблемы аспектов и их взаимосвязи. Сетевидный характер личностных проблем П. Балтеса также отражен в аспекте фактических знаний, но, кроме этого, он отражается и в аспекте контекстуализации: решатель должен производить решение с учетом контекста. Динамика отражена в аспектах решения сложных личностных проблем: в аспекте учета неопределённости жизни указывается, что решения должны быть приняты, несмотря на неполноту исходных данных. Непрозрачность неотделима от сложных личностных проблем, так как решатель не обладает полной информацией, некоторые аспекты проблемы ему нужно предположить самому и приходится опираться на неполную картину проблемы. Также личностным проблемам

свойственна полнота, так как часто достижение одной расплывчатой цели подразумевает еще и наличие ряда более-менее определённых, часто противоречивых целей.

Однако данные задачи имеют существенные отличия от классических примеров проблем-микромиров, используемых при исследовании процесса решения комплексных проблем в парадигме, разработанной Д. Дёрнером. Среди отличий можно выделить отсутствие у сложных личностных проблем возможности прямо воздействовать на переменные и управлять ими для получения того или иного результата, выдвигать гипотезы и проверять их. Также отличием предложенных исследовательских личностных проблем является отсутствие у них реального временного прессинга; при решении текстовой задачи испытуемый рассуждает вслух над имеющейся проблемой, к которой не добавляются в реальном времени новые обстоятельства и условия. В то же время, если рассматривать личностные проблемы, решаемые человеком в реальной жизни, то особенности, выделенные Д. Дёрнером, становятся их неотъемлемыми характеристиками. Таким образом, сложные личностные проблемы можно выделить как особый вид комплексных проблем.

Ссылки

1. Funke J. Complex problem solving: A case for complex cognition? // *Cognitive processing*. 2010. V. 11, № 2. P. 133–142.
2. Субъект и объект практического мышления: коллективная монография / под ред. А. В. Карпова, Ю. К. Корнилова. Ярославль: Ремдер, 2004. 320 с.
3. Frensch P. A., Funke J. Definitions, traditions, and a general framework for understanding complex problem solving // *Complex Problem Solving: The European Perspective* / eds P. A. Frensch and J. Funke. Hillsdale, NJ: Lawrence Erlbaum, 1995. P. 3–25.
4. Sternberg R. J., Frensch P. A. *Complex problem solving: Principles and mechanisms*. NJ: Psychology Press, 2014. 358 p.
5. A multitrait–multimethod study of assessment instruments for complex problem solving / S. Greiff [et al.] // *Intelligence*. 2013. V. 41, № 5. P. 579–596.
6. Willis S. L. Everyday problem solving // *Handbook of the psychology of aging*. 1996. V. 4. P. 287–307.
7. Chang E. C., D’Zurilla T. J., Sanna L. J. *Social problem solving: Theory, research, and training*. NJ: American Psychological Association, 2004. 276 p.
8. Heppner P. P. Expanding the conceptualization and measurement of applied problem solving and coping: From stages to dimensions to the almost forgotten cultural context // *American Psychologist*. 2008. V. 63, № 8. P. 805.

9. Staudinger U. M., Smith J., Baltes P. B. Manual for the assessment of wisdom-related knowledge. Berlin: Max-Planck-Institut für Bildungsforschung, 1994. 92 p.
10. Корнилов Ю. К. Психология практического мышления: монография. Ярославль, 2000. 205 с.
11. McCarthy J. The inversion of functions defined by Turing machines // Automata studies. Princeton University Press, 1956. P. 177–181.
12. Rittel H. W. J., Webber M. M. Dilemmas in a general theory of planning // Policy sciences. 1973. V. 4, №. 2. P. 155–169.
13. Акофф Р. Искусство решения проблем. М.: Мир, 1982. 224 с.
14. Дёрнер Д. Логика неудачи. М.: Смысл, 1997. 243 с.
15. Wood C. The development of creative problem solving in chemistry // Chemistry Education Research and Practice. 2006. V. 7, №. 2. P. 96 –113.
16. Fischer A. Assessment of problem solving skills by means of multiple complex systems–Heidelberg: Validity of Finite Automata and Linear Dynamic Systems. 2015. 95 p.
17. Спиридонов В. Ф. Психология мышления: Решение задач и проблем: учебное пособие. М.: Генезис, 2006. 319 с.
18. Funke J. Solving complex problems: Exploration and control of complex systems // Complex problem solving: Principles and mechanisms. 1991. V. 4. P. 185–222.
19. Поддьяков А. Н. Исследовательское поведение: стратегии познания. Помощь, противодействие, конфликт. М, 2000. 266 с.
20. Complex problem solving and intelligence: A meta-analysis / M. Stadler [et al.]. // Intelligence. 2015. V. 53. P. 92–101.
21. Comparing business experts and novices in complex problem solving / C. D. Güss [et al.]. // Journal of Intelligence. 2017. V. 5, №. 2. P. 20.
22. Güss C. D., Tuason M. T., Orduña L. V. Strategies, tactics, and errors in dynamic decision making in an Asian sample // Journal of Dynamic Decision Making. 2015. V. 1. P. 3–3.
23. Fischer H., Holt D. V. When high working memory capacity is and is not beneficial for predicting nonlinear processes // Memory & cognition. 2017. V. 45, №. 3. P. 404–412.
24. Barth C. M., Funke J. Negative affective environments improve complex solving performance // Cognition and Emotion. 2010. V. 24, №. 7. P. 1259–1268.
25. Güss C. D., Dörner D. The importance of motivation and emotion for explaining human cognition // Behav Brain Sci. 2017. V. 40. P. 38–39.
26. Güss C. D., Donovan S. J., Naslund D. Improving dynamic decision making through training and self-reflection. N.Y, 2015. 295 p.
27. Jansson A. Pathologies in dynamic decision making: Consequences or precursors of failure? // Sprache & Kognition. 1994. V. 13. P. 160–173.
28. Grossmann I. Wisdom in context // Perspectives on Psychological Science. 2017. V. 12, №. 2. P. 233–257.
28. Wisdom, bias, and balance: Toward a process-sensitive measurement of wisdom-related cognition / J. P. Brienza [et al.]. // Journal of Personality and Social Psychology. 2018. V. 115(6). P. 1093–1126.